

На правах рукописи

КРЫЛОВ Герман Леонидович

**ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В
ИРАКЕ В 2003-2022 ГГ.**

Специальность 5.6.7.

История международных отношения и внешней политики

Автореферат диссертации

на соискание учёной степени кандидата исторических наук

Москва - 2024

Работа выполнена в Центре арабских и исламских исследований
Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт
востоковедения РАН».

Научный руководитель: **Кузнецов Василий Александрович**,
доктор политических наук, кандидат
исторических наук

Официальные оппоненты: **Шумилин Александр Иванович**, доктор
политических наук, Институт Европы РАН,
главный научный сотрудник
Жангиев Дмитрий Рустемович, кандидат
исторических наук, доцент кафедры
истории стран Ближнего и Среднего
Востока Института стран Азии и Африки,
МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
научное учреждение «Национальный
исследовательский институт мировой
экономики и международных отношений
имени Е. М. Примакова Российской
академии наук»

Защита состоится «___» _____ 2024 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета по историческим наукам 24.1.041.02 на базе
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт
востоковедения РАН по адресу: 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Федерального
государственного бюджетного учреждения науки «Институт востоковедения
РАН» (www.ivran.ru).

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Астафьева Е.М.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный Ирак представляет собой уникальный пример восстановления государственных структур после массированного военного вторжения. Этот процесс был инициирован государством, осуществившим агрессию, и проходил под его пристальным руководством и наблюдением. Однако первоначальные условия внешнего управления со стороны США корректировались приходившими к власти новыми иракскими элитами, организовывавшимися в новые политические силы – партии и парламентские блоки, которые функционировали в рамках новосозданных органов государственного управления, в том числе – ответственных за формирование внешней политики.

Иракские политические силы, действовавшие в контексте созданной по внешнему плану политической системы, будучи вынужденными в значительной степени руководствоваться интересами её разработчиков, имели и собственные интересы. Для их реализации было необходимо маневрировать на внешнеполитической арене, развивая отношения с другими государствами – прежде всего, Ираном, арабскими суннитскими государствами региона, Турцией, Евросоюзом, государствами Европы, Россией, Китаем и другими мировыми и региональными игроками.

В современных условиях активного (в том числе силового) вмешательства США во внутренние дела государств, поведение которых не соответствует американскому видению глобальной стратегии, опыт Ирака, обретающего внешнеполитическую субъектность после организованного извне коллапса государственной системы, представляет особый интерес и обуславливает **актуальность темы настоящего исследования.**

Объект исследования – политическая система Ирака в период после свержения правительства Саддама Хусейна в 2003 г.

Предмет исследования – внутренние и внешние факторы, определяющие влияние иракских политических сил и официальных учреждений на процесс выработки внешнеполитических решений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2003 по 2022 гг. 2003 г. ознаменовался свержением правительства Саддама Хусейна в результате американо-британского военного вмешательства и началом создания новых структур государственного управления под руководством уполномоченного представителя США Пола Бремера. Верхняя рамка исследования обозначена окончанием беспрецедентного политического кризиса, когда спустя год после парламентских выборов октября 2021 г.

парламент избрал президента и утвердил правительство во главе с М.Ш. ас-Судани.

Цель исследования – определить и дать характеристику основным акторам, участвующим в выработке внешнеполитических решений в Ираке.

В ходе проведенного исследования решались следующие задачи:

1 - выявить специфические особенности развития политической системы Ирака в XXI веке;

2 - установить основные причины активизации формирования политических организаций в указанный период и роста влияния этноконфессионального фактора в этом процессе;

3 - определить характер и степень воздействия социально-политических изменений, произошедших в Ираке в первом десятилетии XXI в., на деятельность политических организаций страны;

4 - выявить роль политических и религиозно-политических организаций и отдельных политических лидеров в выработке внешнеполитических решений;

5 - охарактеризовать роль институтов высшей исполнительной (премьер-министр, правительство и президент) и законодательной власти (парламент) в качестве субъектов определения внешнеполитических приоритетов Ирака;

6 - охарактеризовать внешние связи Иракского Курдистана и механизмы их осуществления, в том числе - в контексте приоритетов внешней политики официального Багдада.

Методологическая основа исследования. Для объективного и всестороннего анализа предмета исследования, реализации поставленных цели и задач применялись следующие **методы**:

1. Историко-аналитический метод – при рассмотрении истории формирования действующих в настоящее время в Ираке политических партий и организаций, институтов государственной власти и основных деталей биографии политических деятелей.

2. Биографический метод, использованный для изучения роли отдельных политических деятелей и персоналий в развитии основных событий истории иракского государства, связанных с формированием его внешней политики в XXI в.

3. Историко-генетический метод – при выявлении причинно-следственных связей в ходе комплексного изучения отдельных событийных этапов процесса развития объекта исследования.

4. В данном контексте также применялся метод включенного наблюдения, в том числе с опорой на материалы информационного мониторинга, проводимого автором во время работы в Ираке с 2015 г., а

также при освещении событий в этой страны в качестве редактора российских СМИ (информагентство ТАСС, телеканал RT, ВГТРК).

5. Политологические методы, в частности, институциональный, направленный на изучение государственных институтов: политических движений, партий и организаций, выборных систем и иных механизмов регуляции политического процесса и политической деятельности.

6. В работе также применялись элементы контент-анализа и ивент-анализа (Дж. Мангейм, Р.К. Рич)¹.

Теоретическая основа исследования. Работа опирается на принципы, разработанные, в частности, Т. Парсонсом, в рамках структурно-функционального анализа². В соответствии с этим, процесс выработки и реализации внешней политики Ирака исследовался как система. Давалось описание функции каждой из её составляющих (политических лидеров, партий, организаций, государственных органов). Иными словами, характеризовались роли этих составляющих по отношению к целому, представленному Ираком как субъектом, ведущим внешнеполитическую деятельность.

В работе используется методология К. Уолтца³, который, исследуя причины и природу международных конфликтов, анализировал их на трех уровнях. Первый уровень – это человеческое поведение, в рамках которого дается характеристика политическим лидерам, анализируются их личностные качества, мотивы их действий и поступков, а также решения, которые привели или могут привести к эскалации международного конфликта. Второй уровень – это внутреннее устройство государства, в рамках которого акцентируется внимание на анализе типа управления, экономической модели, влиятельных политических группах и т.д. Третий уровень – это система международных отношений.

В рамках исследования интерес представляет концепция политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы⁴, которая сводится к тому, что культура – это определенный набор ценностей, внутри которого действует политическая система, а уже на ее фоне разворачиваются политические события. При анализе политической культуры выделяют как аксиологический, так и антропологический подходы, причем оба они одинаково значимы с точки зрения настоящей работы, хотя первый представляет культуру как систему ценностей, тогда как второй – как результат деятельности человека во всех

¹Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. – М.: “Весь Мир”, 1997.

²Parsons, T. The Structure of Social Action / Talcott Parsons. – Free Press, 1967.

³Waltz, K.N. Theory of International Politics / Kenneth N. Waltz. - Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979.

⁴Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. М.: Фонд Либеральная миссия, 2014. – 500 с.

сферах жизни. Наиболее же продуктивным является подход, сочетающий в себе оба этих аспекта, а также классификация политических культур Г. Алмонда и С. Вербы, в основу которой положены специфические особенности стран и регионов.

Контекст работы напрямую связан и со сложившимися трактовками сущности и функций внешней политики, в которых, очевидно, присутствует некоторое разнообразие. Различные авторы (Ю.В. Ирхин⁵, В.Н. Буренко и В.В. Журавлева⁶, А.Ю. Мельвилль⁷), сходясь в целом ряде характеристик внешней политики, в то же время оспаривают корректность части из них.

При изучении формирования внешней политики с учётом специфики участвующих в этом процессе политических деятелей и сил (партий и движений) в указанный период использовались теоретические труды таких исследователей, как М. Дюверже, уделявшего внимание вопросам развития политических партий и политических систем. Впрочем, иракские партии могут лишь отчасти рассматриваться через призму концепции Дюверже. Они больше похожи на «клиентелы, складывающиеся рядом с влиятельными личностями реалий» и относятся к категории, которую тот же Дюверже называл «партиями архаического и предысторического типа»⁸. Подобное понимание присутствует в первой главе. Она посвящена основным политическими силам, влияющим на формирование внешней политики Ирака, и описывает конкретные политические личности и семьи. Идеологическая направленность в этом контексте имеет в лучшем случае периферийное значение и отнюдь не характеризует специфику описываемых сил. В целом, иракский опыт этого периода носит беспрецедентный характер, требуя крайней осторожности при использовании подходов и методологии, выработанной в процессе изучения стабильных обществ с устоявшейся логикой принятия политико-административных решений.

В диссертации рассматриваются основные иракские негосударственные акторы (НГА) в соотношении с иракским государством, что сделало необходимым использование методологических наработок, относящихся к исследованию проблемы НГА. В.В. Наумкин и В.А. Кузнецов отмечают существование устойчивой академической традиции государствоцентричного подхода к проблеме типологизации НГА, который основывается и на признании того несомненного факта, что НГА определяют и выстраивают свое поведение, ориентируясь в той или иной степени на

⁵ Ирхин Ю.В. Политология. М.: Экзамен, 2007. С. 669.

⁶ Политология. Под ред. В.И.Буренко, В.В.Журавлёва. М.: Экзамен, 2005. С. 142.

⁷ Политология. Под ред. А.Ю.Мельвиля и др. М.: КНОРУС, 2010. С. 560.

⁸ Дюверже М. Политические партии. - М.: Академический Проект, 2000. С. 44.

государство⁹. Исходя из этого, описание основных шиитских и суннитских политических сил, которое даётся в первой главе настоящего исследования, опиралось на рассмотрение участия этих акторов в формировании государственных структур в условиях иностранной оккупации и деятельности этих сил уже в рамках этих структур после их «запуска».

Работа не посвящена внешней политике Ирака в обозначенный период как таковой. Она фокусируется на особом характере отношений между формальными акторами иракской политики и альтернативными центрами принятия решений, влияние которых чрезвычайно сильно, что является характерной особенностью современного Ирака. При этом цель описать собственно внешнюю политику и, соответственно, дать ее периодизацию в пока что относительно краткий и близкий по времени постбаасистский период не ставилась.

Степень научной разработанности темы. В связи с повышенным вниманием учёных к социально-политическим процессам в современном Ираке, существует большой объем монографий и научных статей на русском, арабском и английском языках. Внушительный объём англоязычных трудов обусловлен активной вовлеченностью США и Великобритании в трансформацию иракского общества в нынешнем столетии, необходимостью осмысления этого опыта, попытки чего нередко осуществляются непосредственными участниками этих процессов.

1) Обобщающие работы, описывающие иракский кризис в парадигме международных отношений, региональных изменений и политического ислама. На русском, в частности, это работы Е.М. Примакова¹⁰, В.В. Наумкина¹¹, И.Г. Игнатенко¹², В.В. Куделева¹³, И.Д. Звягельской¹⁴, Р.Г. Ланды¹⁵. Англоязычная литература представлена, в

⁹ Наумкин В.В., Кузнецов В.А. К вопросу о типологизации негосударственных акторов на Ближнем Востоке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020, том. 64, №6. С. 105.

¹⁰ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Изд-во Российская газета, 2012.

¹¹ Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96; Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // *Восток*. 2006. №1. С. 65 – 87.

¹² Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.

¹³ Куделев В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке. М.: Институт Ближнего Востока, 2009.

¹⁴ Звягельская И.Д. Конфликты на Ближнем и Среднем Востоке: тенденции и игры // *Восток (Oriens)*. Афро-азиатские общества: История и современность. 2017. №3.

частности, трудами Г. Гоза¹⁶, К. Вудса и М. Пиза¹⁷. Среди исследований на арабском языке - труд Х.Т. Ибрагима и А.А. Абдаллы¹⁸.

2) Работы по новейшей истории Ирака: труды Л.Н. Котлова¹⁹, Б.М. Данцига²⁰, В.В. Львова²¹, Г.И. Мирского²², Н.В. Степановой²³. Из англоязычных трудов отметим работы Дж. Пакера²⁴, Э. Херринга и Г. Рангуалы²⁵, Р. Чандрасекарана²⁶, Т. Рикса²⁷, А. Коэна и Н. Ефрати²⁸, Ф. Марр и И. аль-Мараши²⁹. На арабском языке стоит указать на двухтомное фундаментальное исследование Р. аль-Хайюна³⁰.

¹⁵ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт Ближнего Востока, 2005.

¹⁶ Gause, G. *International Relations of the Persian Gulf* / F. Gregory Gause III. – New York: Cambridge University Press, 2010. – 265 p.

¹⁷ Woods, K.M., Pease, M.R. *The Iraqi Perspectives Report: Saddam's Senior Leadership on Operation Iraqi Freedom from the Official US Joint Forces Command Report* / Kewin M. Woods, Michael R. Pease et al. – Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 2006. – 205 p.

¹⁸ Ибрагим Х.Т., Абдалла А.А.. Ат-Тахаввулят ад-димукратийя фи-ль-Ирак: аль-куйюд ва-ль-фурас (Демократические преобразования в Ираке: сдерживающие факторы и возможности) / Хасанейн Тауфик Ибрагим, Абдулджаббар Ахмад Абдалла. – Дубай: Марказ аль-халидж ли-ль-абхас, 2005. – 136 с.

¹⁹ Котлов Л.Н. Национально-освободительное восстание 1920 г. в Ираке. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958.

²⁰ Данциг Б. М. Ирак в прошлом и настоящем. АН СССР, Ин-т народов Азии. М.: Изд-во Вост. лит., 1960.

²¹ Львов В.В. Современная политическая элита Ирака: а есть ли будущее? // Политическая элита Ближнего Востока. М., 2000.

²² Мирский Г.И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970; Мирский Г.И. Ирак в смутное время 1930-1941 гг. М.: Изд. восточной литературы, 1961.

²³ Степанова Н.В. История Ирака. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2016.

²⁴ Packer, G. *The Assassin's Gate: America in Iraq* / George Packer. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005. – 480 p.

²⁵ Herring, E., Rangwala, G. *Iraq in Fragments: The Occupation and Its Legacy* / Eric Herring, Glen Rangwala. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 2006. – 366 p.

²⁶ Chandrasekaran, R. *Imperial Life in the Emerald City* / Rajiv Chandrasekaran. – New York: Alfred A. Knopf, 2006. – 336 p.

²⁷ Ricks, T. *Fiasco: The American Military Adventure in Iraq* / Thomas Ricks. – New York: Penguin Books, 2007. – 474 p.

²⁸ Cohen, A. Efrati, N. *Post-Saddam Iraq: New Realities, Old Identities, Changing Patterns* / Amnon Cohen, Noga Efrati. – East Sussex: Sussex Academic Press, 2011. – 340 p.

²⁹ Marr, P., al-Marashi, I. *The Modern History of Iraq* / Phebe Marr, Ibrahim al-Marashi. – Philadelphia: Westview Press, 2017. – 480 p.

³⁰ Аль-Хайюн Р. 100 ам мин аль-ислям ас-сийасий фи-ль-Ирак: аш-шиа (100 лет политическому исламу в Ираке: шииты) / Рашид аль-Хайюни. – Дубай: Марказ аль-Мисбар ли-д-дирасат ва-ль-бухус, 2011. – Том 1. – 640 с.

3) Исследования отдельных аспектов социально-политического развития Ирака, в том числе работы А.А. Алиева³¹, А.М.Васильева³², А.А. Данилова³³, Д.Р. Жантиева³⁴, В.П. Кириченко³⁵, И.Х. Миняжетдинова³⁶, А.Д. Манафовой³⁷, К.М. Труевцева³⁸. Среди англоязычных трудов отметим исследования Р. Виссера³⁹, Б. Рахими⁴⁰, А. Дауиши и Л. Даймонда⁴¹, А. Барама⁴², А. Хашима⁴³, Дж. Коула⁴⁴, М. Кочрейн⁴⁵, И. Накаша⁴⁶, Г. Фуллера и Р.Р. Франке⁴⁷, В. Насра⁴⁸.

Аль-Хайюн Р. 100 ам мин аль-ислям ас-сийасий фи-ль-Ирак: ас-сунна (100 лет политическому исламу в Ираке: сунниты) / Рашид аль-Хайюни. – Дубай: Марказ аль-Мисбар ли-д-дирасат ва-ль-бухус, 2011. – Том 2. – 360 с.

³¹ Алиев А.А. Иран vs Ирак. История и современность. М.: МГУ, 2002.

³² Васильев А.М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т.74. № 1.

³³ Данилов Л.Л. Тенденции и перспективы постконфликтного урегулирования в Ираке // Иракский кризис. Международный и региональный аспект. Под ред. Е.С.Мелкумян. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.

³⁴ Жантиев Д.Р. «Армия Махди» в Ираке: формирование и развитие // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. №4, 2012; Жантиев Д.Р. Суфии в иракском сопротивлении (2003-2011) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 13, №4. 2011. С. 35.

³⁵ Кириченко В. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979-2003) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 11 (281). С. 112.

³⁶ Миняжетдинов И.Х. «Балканизация Ирака»: факторы воспроизводства и распространения политического насилия // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт востоковедения РАН, 2015.

³⁷ Манафова А.Д. Нефтяная политика Ирака, 2003-2016 гг. М.: Институт Ближнего Востока, 2017.

³⁸ Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности». М.: ИВРАН, 2020. - 370 с.

³⁹ Visser, R. Sistani, the United States, and Politics in Iraq / Reidar Visser. – 2006. Paper No. 700, Norverian Institute of International Affairs. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/27866/700.pdf> (accessed 01.05.2022).

⁴⁰ Rahimi, B. Ayatalla Sistani and the Democratization of Post-Ba'athist Iraq / Babak Rahimi. – United States Institute of Peace, Special Report 187. June 2007. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr187.pdf> (accessed 01.05.2022).

⁴¹ Dawisha, A., Diamond, L. Iraq's Year of Voting Dangerously / Adeed Dawisha, Larry Diamond. – Journal of Democracy, Vol. 17, Number 2, April 2006. John Hopkins University Press; Diamond L. Squandered Victory / Larry Diamond. – New York: Owl Books, 2005. – 420 p.

⁴² Baram, A. Sadr the Father, Sadr the Son, the “Revolution in Shi'ism,” and the Struggle for Power in the Hawza of Najaf / Amazia Baram // Iraq Between Occupations: Perspectives from 1920 to the Present. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 143-157; Baram A. Who Are the Insurgents? Sunni Arab Rebels in Iraq / Amatzia Baram – United States Institute of Peace,

4) Исследования о курдском факторе в контексте современной истории Ирака. Отметим здесь работы В.В. Наумкина⁴⁹, Д.С. Голубева⁵⁰, Н.З. Мосаки⁵¹, К.В. Вертяева и С.М. Иванова⁵², О.И. Жигалиной⁵³. Из англоязычных исследований упомянем работы Д. Натали⁵⁴, Д. Мак-Доуалла⁵⁵, М. Гантера⁵⁶, С. Мансфилда⁵⁷, А. Маркус⁵⁸.

Special Report 134. April 2005. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr134.pdf> (accessed 01.05.2022).

⁴³ Hashim, A.S. *Insurgency and Counter Insurgency in Iraq* / Ahmed S. Hashim. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 2006. – 518 p.

⁴⁴ Cole, J. Platform of the United Iraqi Alliance / Juan Cole. – Global Policy Forum, 31.12.2004. URL: <https://archive.globalpolicy.org/security/issues/iraq/election/2004/1231overview.htm> (accessed 04.09.2021).

Cole, J. The United States and Shi'ite Religious Factions in Post-Ba'athist Iraq / Juan Cole // *Middle East Journal*. – Autumn 2003. – Vol. 57. – No. 4. – P. 543-566.

⁴⁵ Cochrane, M. The Fragmentation of the Sadrist Movement / Marisa Cochrane // *Iraq Report* 12. – January 2009. – Washington: Institute for the Study of War. – 60 p. URL: <https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Iraq%20Report%2012%20Sadrist%20Movement%20Fragmentation.pdf> (accessed 02.05.2022).

⁴⁶ Nakash, I. *The Shi'is of Iraq* / Yitzhak Nakash. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003. – 337 p.

⁴⁷ Fuller, G., Franke R.R. *The Arab Shi'a: The Forgotten Muslims* / Graham Fuller, Rend Rahim Franke. – New York: Palgrave Macmillan, 1999. – 300 p.

⁴⁸ Nasr, V. *The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future* / Vali Reza Nasr. – New York: W.W.Norton & Company, 2006. – 320 p.

⁴⁹ Наумкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // *Мировая экономика и международные отношения РАН*. Т. 63, №5, 2019. С. 76-87.

⁵⁰ Голубев Д.С. Проблемы и перспективы суверенизации Иракского Курдистана // *Мировое развитие*. Выпуск 18. Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 15-25.

⁵¹ Мосаки Н.З. Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века). М.: Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН, 2011.

⁵² Вертяев К.В., Иванов С.М. Курдский национализм. История и современность / Институт востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015.

⁵³ Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

⁵⁴ Natali, D. *The Kurdish Quasi-State*. Denise Natali. – Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2010. – 195 p.

⁵⁵ McDowall, D. *A Modern History of the Kurds* / David McDowall. – London: I.B.Tauris, 2004. – 536 p.

⁵⁶ Gunter, M.M. *The Kurds: A Modern History* / Michael M. Gunter. – Princeton, New Jersey: Marcus Wiener Publishers, 2016. – 288 p.

⁵⁷ Mansfield, S. *The Miracle of the Kurds: A Remarkable Story of Hope Reborn in Northern Iraq* / Stephen Mansfield. – Brentwood, Tennessee: Worthy Books, 2014. – 272 p.

5) Труды по различным аспектам политической элиты Ирака. В этом контексте выделим работы М.А. Сапроновой⁵⁹, Т.Р. Хайруллина и А.В. Коротаева⁶⁰, Н.А. Беренковой⁶¹, Н.А. Филина⁶², С.Г. Люсина⁶³, Р.Ш.Мамедова⁶⁴. На английском языке тема представлена в работах Ф. Хаддада⁶⁵ и Х. аль-Карауи⁶⁶. На арабском языке тема затронута, в частности, в исследовании А.С. ат-Тамими⁶⁷.

6) Работы по вопросам дискриминации, маргинализации и радикализации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Среди них – исследования В.А. Кузнецова⁶⁸, Т.А. Махмутова⁶⁹, Г.В. Лукьянова⁷⁰,

⁵⁸ Marcus, A. *Blood and Belief: The PKK and the Kurdish Fight for Independence* / Aliza Marcus. – New York: New York University Press, 2009. – 363 p.

⁵⁹ Сапронова М.А. *Арабский восток: власть и конституции*. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001; Сапронова М.А. *Иракская конституция в прошлом и настоящем (Из истории конституционного развития Ирака)*. М.: Институт Ближнего Востока, 2006.

⁶⁰ Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Конституция Ирака 2005 года и принципы ислама // *Ислам в современном мире*. № 2. 2017.

⁶¹ Беренкова Н.А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // *Религия и общество на Востоке*. ИВ РАН Вып. 2. 2018. С. 113-135.

⁶² Филин Н.А., Пилоян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // *Общенациональный научно-политический журнал «Власть»*. 2015, № 2. С. 133-137.

⁶³ Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака // *Арабский мир в конце XX века*. Материалы I-ой конференции арабистов Института востоковедения РАН. М., 1996.

⁶⁴ Мамедов Р.Ш. *Ирак в начале XXI века: на пути к новой государственности*. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. – 256 с.

⁶⁵ Haddad, F. *Sectarianism in Iraq: Antagonistic Visions of Unity* / Fanar Haddad. – New York: Oxford University Press, 2011. – 318 p.

⁶⁶ Al-Qarawee, H.H. *From Maliki to Abadi: The Challenge of Being Iraq's Prime Minister* / Harith Hasan Al-Qarawee // *Middle East Brief*. 2016. No. 100. - Waltham: Crown Center for Middle East Studies.

⁶⁷ Ат-Тамими А.С. *Ад-Даур ас-сийясий ли-ль-муассаса ад-динийя фи-ль-Ирак (1990-2010) (Политическая роль религиозного истеблишмента в Ираке (1990-2010))* / Али Субейх ат-Тамими. – Амман: Дар амджад ли-н-нашр ва-т-таузия, 2016. – 217 с.

⁶⁸ Кузнецов В.А. Истоки и движущие силы вооруженного экстремизма и радикализации на Ближнем Востоке (на региональном уровне и на примере Туниса) // *Пути к миру и безопасности*. № 1 (52) Спецвыпуск: Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). 2017.

⁶⁹ Махмутов Т.А. *Конвенциональные и неконвенциональные формы проявления политических последствий маргинализации в современной России: диссертация на соискание степени канд. полит. наук: 23.00.02*. Уфа, 2006.

Е.А.Степановой⁷¹, А.В. Федорченко и А.В. Крылова⁷². Существенное место в этих исследованиях занимает анализ феномена распространения ИГИЛ⁷³. Англоязычная литература представлена, в частности, трудами Ф. Абдулджаббара⁷⁴, Дж. Уили⁷⁵, Д. Амос (нам удалось ознакомиться с арабским переводом книги Д.Амос⁷⁶). На арабском языке стоит упомянуть исследования А. аль-Азри⁷⁷, А. ар-Равашди, А. аль-Мандалауи, Н. аль-Джаббури, У. аль-Амина⁷⁸.

7) Исследования роли негосударственных вооружённых формирований в Ираке и их роли в складывании современного политического контекста. Выделим здесь работы Р.Ш. Мамедова⁷⁹, С.А. Александрова и Е.М. Савичевой⁸⁰, Г.Г. Мачитидзе⁸¹. Из англоязычных исследователей этой теме большое внимание уделял израильский учёный А. Барам⁸².

⁷⁰ Лукьянов Г.В. Политическая география «ДАИШ»: экспансия как стратегия выживания [Электронный ресурс] // Группа стратегического видения «Россия - исламский мир». 29.08.2019. Режим доступа: <https://russia-islworld.ru/eksperty/politiceskaa-geografia-dais-ekspansia-kak-strategia-vyzivania-stata-grigoria-lukanova/> (Дата обращения: 13.12.2022).

⁷¹ Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. №2. 2014.

⁷² Федорченко А.В., Крылов А.В. Феномен «исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (41). 2015. С. 174-183.

⁷³ Запрещена в РФ.

⁷⁴ Jabar, F.A. The Shi'ite Movement in Iraq / Falih Abdul Jabar. – London: Saqi Books, 2003. – 196 p.

⁷⁵ Wiley, J.N. The Islamic Movement of Iraqi Shi'as / Joyce N. Wiley - Boulder, Colorado: Lynne Rienner Pub, 1992. – 193 p.

⁷⁶ Амос Д. Уфуль ас-сунна (Закат суннитов) / Дебора Амос ; пер. с англ. Мухамад Фадиль. – Бейрут, Каир: Аш-шабака аль-арабийя ли-ль-абхас ва-н-нашр, 2011. – 242 с.

⁷⁷ Аль-Азри А. Мушкилят аль-хукм фи-ль-Ирак / Абдулькарим аль-Азри. – Лондон, 1991. - 396 с.

⁷⁸ Ар-Равашди А., аль-Мандалауи А., аль-Джаббури Н., аль-Амин, У. Аль-араб ас-сунна фи-ль-Ирак: тарихухум, вакухум, мустакбалухум. Эр-Рияд: Маджаллят аль-байян, 2012. – 357 с.

⁷⁹ Мамедов Р.Ш. Негосударственные вооруженные формирования в сирийско-иракской конфликтной зоне // Большой Ближний Восток в мировой экономике и политике. Мировое развитие. 2017. Выпуск 18. Отв. ред.: Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова. М., ИМЭМО РАН.

⁸⁰ Александров С.А., Савичева Е. М. Ирак сегодня: на пути к стабильности или новым политическим кризисам? // Азия и Африка сегодня. 2020. №10. С. 22-28.

⁸¹ Мачитидзе Г.Г. Борьба Ирана с международным терроризмом // Вестник МГИМО-Университета. 2020. №13 (5). С. 252-265.

⁸² Baram, A. Religious extremism and ecumenical tendencies in Modern Iraqi Shi'ism / Amatzia Baram // The Sunna and Shi'a in History: Division and Ecumenism in the Muslim Middle East. – Ed. by Ofra Bengio and Meir Litvak. - New York: Palgrave Macmillan, 2011. P. 105-125.

8) Работы по проблематике принятия политических решений. В России пионером развития этой отрасли научного знания является А.А.Дегтярев⁸³. За рубежом теория принятия политико-управленческих решений начала разрабатываться как самостоятельная научная дисциплина в 1950-е гг. Отметим здесь работы знаменитых выходцев чикагской школы Г. Лассуэла⁸⁴, Г. Саймона⁸⁵, профессора Йельского университета Ч. Линдблома и его коллеги из Университета Северной Каролины Э. Вудхауса⁸⁶, Дж. Андерсона из Техасского университета (А&М)⁸⁷, британского профессора М. Хилла⁸⁸. При этом следует оговориться, что упомянутые работы рассматривают общества западного образца с устоявшейся системой государственного управления, в то время как современное иракское государство характеризуют «неформальные» взаимоотношения между формальными акторами и альтернативными центрами принятия решений, что делает традиционные подходы малоприменимыми.

Источниковая база исследования. Исследование опирается на следующие группы источников:

1) Резолюции СБ ООН по Ираку, в частности, резолюция 1441, 1483, и другие документы Объединённых Наций, доступные на официальном сайте организации. Резолюция СБ ООН номер 1441 является одним из ключевых документов, дающих представление о контексте подготовки американо-британского вторжения в Ирак. Документ, санкционирующий начало инспекций, рассматривался как препятствие для автоматического применения силы против Ирака, однако эта задача реализована не была. Резолюция СБ ООН 1483 относится уже к послеоккупационному урегулированию ситуации в Ираке. Она ставит перед оккупирующими государствами задачи политического и экономического переустройства Ирака, представляя собой важный документ при изучении начальной стадии становления современного иракского государства.

⁸³ Дегтярев А.А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. - 239 с.

⁸⁴ Lasswell, H. The Decision Process: Seven Categories of Functional Analysis / Harold D. Lasswell. – Bureau of Governmental Research, College of Business and Public Administration, University of Maryland, 1956, – 23 p.

⁸⁵ Simon, H. The New Science of Management Decision / Herbert Alexander Simon. Prentice Hall, 1960. – 175 p.

⁸⁶ Lindblom, Ch., Woodhouse E. The Policy-Making Process / Charles E. Lindblom, Edward J. Woodhouse. Prentice Hall, 1992. – 176 p.

⁸⁷ Anderson, J. Public Policymaking: An Introduction / James E. Anderson. Cengage Learning, 2005. – 352 p.

⁸⁸ Hill, M. The Policy Process in the Modern State / Michael Hill. Prentice Hall, 1997. – 254 p.

2) Принятая в 2005 г. Конституция Ирака⁸⁹. Рассмотрение содержания Конституции необходимо для описания круга полномочий иракских государственных институтов, принимающих участие в выработке внешнеполитических решений, а также полномочий единственного субъекта федерации – Иракского Курдистана. Так, статья 78 Основного закона закрепляет главенство премьер-министра во всех сферах внутренней и внешней политики. Конституция содержит и некоторые внешнеполитические ориентиры. Статья 3 Основного закона определяет Ирак как часть исламского мира и члена Лиги арабских государств (ЛАГ), статья 8 провозглашает приверженность Ирака принципам добрососедства и невмешательства во внутренние дела других государств, статья 9 утверждает необходимость уважения иракским правительством международных обязательств Ирака и их соблюдения.

3) Приказы и законы, изданные Временной администрацией коалиции под руководством Пола Бремера. Среди них - Закон об управлении для Государства Ирак в переходный период (The Law of Administration for the State of Iraq for the Transitional Period)⁹⁰, определявший структуру временного руководства Ирака. Сюда же относятся документы правительства, в том числе - МИД, и парламента Ирака, среди которых – иракский Закон о выборах от 2005 г.⁹¹, предписывающий порядок выборов в Совет представителей (парламент). Согласно Конституции, крупнейшая парламентская фракция, сформированная по итогам выборов, выдвигает кандидата в премьер-министры. Роль другого института, ответственного за реализацию внешнеполитического курса правительства, определяется Законом №36 от 2013 г. «О министерстве иностранных дел», статья первая которого гласит, что МИД «является юридическим лицом, обладает административной и финансовой самостоятельностью и имеет задачу

⁸⁹Дустур Джумхурийят аль-Ирак (Конституция Республики Ирак) // Официальный сайт парламента Ирака. 2005. URL: <https://iq.parliament.iq/%d8%a7%d9%84%d8%af%d8%b3%d8%aa%d9%88%d8%b1-%d8%a7%d9%84%d8%b9%d8%b1%d8%a7%d9%82%d9%8a/> (дата обращения 25.03.2023).

⁹⁰ Iraq's Transitional Law // www.govinfo.gov. 25.05.2004. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GAOREPORTS-GAO-04-746R/html/GAOREPORTS-GAO-04-746R.htm> (дата обращения 21.07.2021); Coalition Provisional Authority Order Number 2: Dissolution of Entities. URL: https://govinfo.library.unt.edu/cpa-iraq/regulations/20030823_CPAORD_2_Dissolution_of_Entities_with_Annex_A.pdf (accessed 04.06.2022) и др.

⁹¹Канун аль-интихабат ракм 16 ли санат 2005 (Закон о выборах №16 от 2005 г.). Wiki.dorar. 2005. URL: <http://wiki.dorar-aliraq.net/iraqilaws/law/19502.html> (дата обращения: 25.03.2023).

реализации внешней политики Республики Ирак, будучи представленным министром иностранных дел или тем, кто его представляет».

4) Заявления политических и религиозных деятелей, например, знаменитая фетва о джихаде от имени верховного лидера Ирака Али ас-Систани⁹². Значительное число подобного рода источников представляют собой видеосюжеты. Среди них – интервью с Муктадой ас-Садром⁹³, председателем парламента Ирака Махмудом аль-Машхадани⁹⁴, главами МИД Ирака Мухаммадом Али аль-Хакимом⁹⁵ и Фуадом Хусейном⁹⁶, президентами Ирака Фуадом Маасумом⁹⁷ и Джалалем Талабани⁹⁸. Эти интервью содержат пространные оценки некоторых основных направлений внешней политики от первого лица, важные для понимания роли той или иной политической силы или государственного института в обозначенном контексте.

⁹²Маварада фи хутбат аль-джумаа ли мумассиль аль-марджыйя ад-диния аль-улья фи Кербела аль-мукаддаса аш-шейх Абдуль-Махди аль-Кербелаи фи 14 шаббан 1435 хиджрийан (13/6/2014 милядийан) (Что говорилось в пятничной проповеди представителя высшего шиитского религиозного авторитета в священной Кербеле шейха Абдуль-Махди аль-Кербелаи 14 шаабана 1435 года по хиджре, 13/6/2014 от РХ) Официальный сайт Али ас-Систани. URL: <https://www.sistani.org/arabic/archive/253/> (дата обращения 14.09.2021).

⁹³ Ас-Сейид аль-Каид Муктада ас-Садр – Канат аль-Хурра Ирак Камиль (Господин Полководец Муктада ас-Садр – канал «Аль-Хурра», Ирак, полная версия) // Youtube.com. 11.01.2013. URL: <https://youtu.be/c7wewqIvjqk> (дата обращения 26.05.2021); Муктада ас-Садр: Аль-Харб ас-саудийя дыдд аль-Йемен залима (Муктада ас-Садр: Саудовская война против Йемена – несправедливая) // Youtube. 15.06.2015. URL: <https://youtu.be/tsNNxHTmv4k> (дата обращения 11.09.2021) (араб.); Фи мутанаваль аль-йад... Муктада ас-Садр фи хивар сарих ва мусир (На расстоянии вытянутой руки... Муктада ас-Садр в откровенном и интересном интервью) // Youtube.com. 24.02.2020. URL: <https://youtu.be/Dz1f95ER854> (дата обращения 29.05.2021).

⁹⁴Ликаа аль-яум Махмуд аль-Машхадани (Сегодняшняя встреча: Махмуд аль-Машхадани). Youtube. 19.10.2008. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vZTOfN3jcaY> (дата обращения 24.12.2021).

⁹⁵ Мухаммад Али аль-Хаким вазир аль-хариджийя аль-иракый (Мухаммад Али аль-Хаким, министр иностранных дел Ирака). Youtube. 19.05.2019. URL: <https://youtu.be/7FyrV0rN-Xs> (дата обращения 14.11.2021).

⁹⁶ Фуад Хусейн – лика хасс (Фуад Хусейн – специальное интервью). Youtube. 26.02.2021. URL: <https://youtu.be/U5KdUY-MfSQ> (дата обращения 15.11.2021).

⁹⁷Хивар маа ад-дуктур Фуад Маасум, раис Джумхурийят аль-Ирак (Интервью с доктором Фуадом Маасумом, президентом Республики Ирак). Youtube. 29.09.2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xO96cII7zc0> (дата обращения 24.12.2021).

⁹⁸Хиварат хадиа маа ад-дуктур Джалаль Талабани раис аль-джумхурийя аль-иракыйя (Спокойные диалоги с доктором Джалалем Талабани, президентом Республики Ирак). Youtube. 23.03.2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BYfR2erW4nE> (дата обращения 22.12.2021).

Особо упомянем здесь уникальные источниковые материалы, опубликованные в монографии британского ученого курдского происхождения Заны Гульмоханада⁹⁹. Работа содержит большое число авторских интервью с иракскими политиками и дипломатами, оценивающими описываемые процессы от первого лица, исходя из личного опыта непосредственного участия в них. Монография З.Гульмоханада вышла в свет в 2021 г. и является новейшим трудом такого рода по иракской проблематике.

5) В силу активного участия США в формировании современного иракского государства, среди источников по теме имеется обширный объем мемуаров американских военных и гражданских чиновников, а также журналистов и проч., бывших непосредственными действующими лицами событий, происходивших в Ираке и центрах принятия политических решений в Вашингтоне, в первом десятилетии XXI в. Сюда относятся мемуары бывшего старшего советника США по борьбе против терроризма Ричарда Кларка «Против всех врагов»¹⁰⁰, где автор критикует действия Вашингтона, и бывшего заместителя министра обороны по политическим вопросам Дугласа Фейта «Война и решение»¹⁰¹.

Обстоятельства провала планов США по послевоенному обустройству Ирака посвящена книга принимавшего участие в их разработке американского эксперта Дэвида Филиппса «Теряя Ирак»¹⁰². Описанию подробностей военной кампании США в Ираке посвящена книга «Кобра II: история вторжения и оккупации Ирака изнутри»¹⁰³. Её авторы - отставной генерал-лейтенант ВС США, главный военный корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Бернад Трейнон и обозреватель «Нью-Йорк Таймс» и «Уолл Стрит Джорнал» Майкл Гордон.

О формировании структур нового иракского государства пишет в своей книге бывший иракский оппозиционер Али Аллауи, вернувшийся в 2003 г. на родину и занимавший посты министра торговли во Временном руководящем совете Ирака при бремеровской администрации (2003-2004 гг.), министра

⁹⁹Gulmohanad, Z. The Making of Foreign Policy in Iraq / Zana Gulmohanad. – London, New York, Oxford, New Delhi, Sidney: I.B.Tauris Publishers, 2021.

¹⁰⁰ Clarke, R.A. Against All Enemies / Richard A. Clarke. - New York, London, Toronto, Sydney: Free Press, 2004.

¹⁰¹Feith, D.J. War and Decision: Inside the Pentagon at the Dawn of the War on Terrorism / Douglas Jay Feith. – New York, London, Toronto, Sydney: Harper, 2009.

¹⁰²Phillips, D.L. Losing Iraq: Inside the Postwar Reconstruction Fiasco / David L. Philips. – New York: West View Press, 2005.

¹⁰³Trainor, B.E., Gordon, M.R. Cobra II: The Inside Story of the Invasion and Occupation of Iraq / Bernard E. Trainor, Michael R. Gordon. – New York: Pantheon Books, 2006.

обороны во Временном правительстве Айяда Аллауи (2004 г.) и министра финансов в правительстве Ибрагима аль-Джаафари (2005-2006 гг.)¹⁰⁴. Примечательно, что в мае 2020 г. Али Аллауи был вновь назначен министром финансов уже в правительстве Мустафы аль-Казыми и подал в отставку в августе 2022 г. на фоне очередного обострения политического кризиса. Впечатления очевидцев представлены в работах Лэрри Даймонда¹⁰⁵ и Рори Стюарта¹⁰⁶ – авторов, которым довелось служить в Ираке во время начатой США в 2003 г. военной кампании.

Особый интерес представляют мемуары главы оккупационной администрации США в Ираке Пола Бремера, посвященные этому этапу его карьеры¹⁰⁷. О формировании иракских властных структур после 2003 г. рассказывает книга члена Комитета по внешним связям Сената США Питера Гэлбрэйта¹⁰⁸, где автор, в частности, раскрывает подробности собственного участия в переговорах по подготовке Закона об управлении для государства Ирак в переходный период и проекта Конституции, а также критикует последствия американского вмешательства в этой стране. Взгляд на то, что было сделано с точки зрения военной разведки представил подполковник ВС США Джоэл Рэйберн¹⁰⁹. Книга бывшего советника администрации Бремера - Эммы Скай дает представление о ее деятельности изнутри¹¹⁰.

6. Важными историческими источниками в рамках настоящего исследования выступают многочисленные новостные и информационные сайты как на английском, так и на арабском языках. Нередко в них можно найти ценные «утечки» информации, цитаты и ссылки на документы правительства и парламента Ирака. При этом необходимо учитывать специфику такого рода источников: точку зрения какого государства или какой политической силы они представляют. К примеру, катарская «Аль-Джазира» и лояльный к «Хезболле» ливанский телеканал «Аль-Маядин» нередко прямо противоположным образом оценивают одни и те же события

¹⁰⁴ Allawi, A.A. *The Occupation of Iraq: Winning the War, Losing the Peace* / Ali A.Allawi. – New Haven: Yale University Press, 2007.

¹⁰⁵ Diamond, L. *Squandered Victory* / Larry Diamond. – New York: Owl Books, 2005.

¹⁰⁶ Stewart, R. *The Prince of the Marshes and Other Occupational Hazards of a Year in Iraq* / Rory Stewart. – Orlando, Austin, New York, San Diego, Toronto, London: Harcourt, 2006.

¹⁰⁷ Bremer, L.P., McConnel, M. *My Years in Iraq* / Lewis Paul Bremer III, Malcolm McConnel. – New York: Simon & Schuster, 2006.

¹⁰⁸ Galbraith, P. *The End of Iraq: How American Incompetence Created a War Without End* / Peter Galbraith. – New York: Simon & Schuster, 2006. – 254 p.

¹⁰⁹ Rayburn, J. *Iraq After America: Strongmen, Sectarians, Resistance* / Joel Rayburn. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 2014. - 322 p.

¹¹⁰ Sky, E. *The Unraveling: High Hopes and Missed Opportunities in Iraq* / Emma Sky. – New York: Public Affairs, 2015. – 383 p.

иракской политической жизни. Казус этих двух СМИ обозначает два полюса, однако между ними существует большое число промежуточных точек зрения с большей или меньшей степенью ангажированности, что необходимо учитывать при работе с подобного рода источниками.

Научная новизна. Работа впервые рассматривает проблемы внешней политики Ирака в обозначенный период с точки зрения процесса выработки внешнеполитических решений. При этом учитываются оценки характерных особенностей этого процесса самими его участниками.

Среди таких особенностей - большое число конкурирующих политических течений, относительная слабость институтов государства, активное внешнее вмешательство, причем, не только США, представитель которых Пол Бремер некоторое время управлял страной вместо главы суверенного правительства (пункт 4 резолюции 1483 СБ ООН призывал его администрацию «содействовать благополучию народа Ирака путём эффективного управления территорией»¹¹¹), но также Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Сирии (до начала вооружённого конфликта там) и др. В работе вводятся новые источники. Взаимодействие иракских официальных учреждений в процессе выработки политических решений рассматривается с учётом фактора этноконфессиональной принадлежности ключевых фигур иракской политики, крайняя важность которого является характерной чертой современного иракского общества. Уделено внимание описанию личностных характеристик ведущих иракских политиков с учётом очевидного влияния особенностей их индивидуальностей на рассматриваемые процессы. С точки зрения проблем внешней политики рассмотрены существенные обстоятельства противостояния федерального центра и руководства Курдским автономным регионом (КАР), произошедшие в последнее время и ознаменовавшие начало нового этапа в борьбе элит Иракского Курдистана с Багдадом за контроль над богатыми (прежде всего – нефтяными) ресурсами севера страны.

Практическая значимость работы заключается в потенциальном использовании ее выводов в подготовке аналитических материалов и рекомендаций по иракской проблематике для государственных структур, принимающих участие в формировании внешней политики РФ, и коммерческих предприятий, имеющих экономические интересы в регионе, на территории государства Ирак и конкретно его курдской автономии (прежде всего это касается нефтяной, газовой и атомной промышленности).

¹¹¹Резолюция 1483 (2003). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/368/55/PDF/N0336855.pdf?OpenElement>

Результаты исследования можно использовать для разработки учебных курсов по современной истории Ближнего и Среднего Востока.

Положения, выносимые на защиту.

1) Важное значение в процессе выработке внешнеполитических решений имеет принадлежность к определённой этнической или конфессиональной группе. Идентификация по данному признаку представляет собой основной признак, по которому структурируется политическая система Ирака XXI в.

2) Внутренняя борьба шиитских, суннитских и курдских политических элит значительно осложнила выработку внешнеполитического консенсуса в рамках правительственных структур в Багдаде, где шииты заняли доминирующее место, и привела к конфликтам между федеральным центром и администрацией КАР в Эрбиле, подстегнув амбиции последнего к усилению собственной внешнеполитической субъектности.

3) Исторические связи шиитских, суннитских и курдских политических сил с соседними государствами и США обусловили попытки последних влиять на формирование иракского государственной политики, как внешней, так и внутренней, для обеспечения собственных интересов в регионе.

4) С формированием в 2004 г. переходного правительства, формально обладавшего суверенитетом, внешнеполитическая деятельность Ирака сконцентрировалась на утверждении его статуса в качестве полноправного члена мирового сообщества, восстановлении существовавшей до кризиса начала XX в. системы внешних связей, их поддержании и приведении в соответствие изменившейся международной обстановкой.

5) Решение острейших проблем в сфере внутренней безопасности, связанное с созданием эффективных силовых структур, также имело ярко выраженную внешнеполитическую составляющую – этот процесс происходил под непосредственным руководством США, привлёкших к нему своих основных союзников.

6) Подбор кандидатов на пост главы МИД, не имеющих ярко выраженных политических амбиций, положительно сказался на иракской внешней политике, придав ей сбалансированный характер и избавив связанные с выработкой внешнеполитических решений государственные структуры от острых конфликтов, характерных для периода премьерства Нури аль-Малики (когда пост главы МИД занимал влиятельный курдский политик Хошияр Зебари).

Апробация исследования. Диссертация прошла апробацию в Центре арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, где обсуждалась два раза (в 2022 и 2023 гг.). Автор опубликовал 11 статей, в том числе - 4 в журналах, входящих в список ВАК Минобрнауки России.

Отдельные положения и выводы диссертационного исследования изложены в следующих выступлениях:

1. «Динамика взаимоотношений между шиитскими и суннитскими силами в Ираке в контексте парламентской деятельности» на XVI Конференции арабистов «Чтения И.М.Смилянкой» в ИВ РАН 21 декабря 2021 г.

2. «Проблема конституционного разграничения полномочий между федеральным центром и курдской автономией и её влияние на внешнеполитические и внешнеэкономические связи Ирака» на конференции «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки» в ИВ РАН 21 марта 2022 г.

3. «Вопрос о признании Израиля в общественно-политическом дискурсе современного Ирака» на II Международной научной израилеведческой конференции ИВ РАН «Чтения им. А.Е.Бовина» 24 октября 2022 г.

4. «Феномен Муктады ас-Садра: харизма и эффективность лидера в политических реалиях Ирака» на XVII Конференции арабистов «Чтения И.М.Смилянкой» в ИВ РАН 2 декабря 2022 г.

5. «Христианские аллюзии в шиитском исламе» на XIV Ежегодной конференции слушателей и выпускников ФДО и ИДО ПСТГУ 12 марта 2023 г.

6. «Шиитские вооруженные формирования как средство укрепления влияния Ирана в Ираке» на XVIII Конференции арабистов «Чтения И.М.Смилянкой» в ИВ РАН 15 декабря 2023 г.

II ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура работы. Для решения поставленных задач с учётом упомянутой выше специфики современного иракского политикума работа структурирована следующим образом:

Первая глава посвящена рассмотрению основных политических групп и влиятельных фигур, не занимающих постов в системе государственного управления, с точки зрения их внешнеполитической ориентации и влияния на формирование внешней политики Ирака. Отмечен доминирующий характер шиитских сил на политической арене Ирака и связанная с этим определяющая роль, которую они играют в формулировании и реализации внешнеполитических приоритетов. Констатирован непоследовательный характер иракской внутренней и внешней политики, являющийся результатом соперничества различных этнополитических сил и порожденной ими напряженности. Отмечено, что, несмотря на доминирование шиитов, курдские и суннитские политики также активно действуют на политической

арене, создавая, в том числе, свои независимые системы внешних связей. Зафиксирован неоднозначный характер шиитского «политического фронта» и отсутствие единства среди шиитских политических сил относительно развития отношений с Ираном. Рассмотрены тенденции в суннитском лагере, связанные с построением отношений как с суннитскими соседями Ирака, так и с Ираном. Отмечена общая заинтересованность шиитских и суннитских политических сил развивать отношения с США.

Пользуясь терминологией Г.Алмонда и С.Вербы, первая глава данной работы рассматривает субъекты, осуществляющие функцию «входа» (привлечение к участию в политической жизни, артикуляция интересов или формирование требований, которые отвечают интересам, сочетание интересов и политическая коммуникация). Эти субъекты включают в себя оформленные политические силы и группы давления, наиболее типичным примером которых являются различные парламентские блоки, формирующиеся на относительно короткие промежутки времени в связи с такими важными политическими процессами, как формирование правительства и пр. Так, согласно Конституции Ирака, крупнейшая парламентская фракция выдвигает кандидата на пост премьер-министра, однако, как это неоднократно случалось в современной истории страны, эта задача осуществлялась отнюдь не всегда силой, победившей на парламентских выборах, т.к. оперативно сформированные фракции из сил, показавших меньшие результаты, могли превосходить по численности победителей голосования. Крупнейшая фракция парламента могла элементарно объявить о коллективной отставке, как это сделали садристы в 2022 г., и освободить место «конкурентам».

В главе отмечается, что внутренняя борьба различных иракских игроков, система дележа государственных постов высшего и среднего звена (мухасаса) и атмосфера этноконфессиональной напряженности вносили элемент непоследовательности во внешнюю политику иракского государства, переживающего один политический кризис за другим. С другой стороны, система, предполагающая закрепление поста премьер-министра за шиитом, президента – за курдом, а председателя парламента – за суннитом, удерживала от окончательного вытеснения оказавшихся в меньшинстве суннитов и изолировавшихся в своей автономии курдов с багдадской политической арены.

При непоследовательности общегосударственного внешнеполитического курса наиболее влиятельные группы в иракском политикуме формировали собственные системы внешних связей, отражающие их частные интересы. В шиитском лагере, наряду с откровенно проиранскими силами, большое влияние имеет духовный лидер шиитов

Ирака аятолла Али ас-Систани, скептически настроенный по отношению к сближению с Тегераном, а также мастер политического лавирования Муктада ас-Садр, непредсказуемые действия которого, казалось, не раз приводили в замешательство иранских партнеров. Тот же ас-Садр и умеренный представитель партии «Даава» Хайдар аль-Аббади предпринимали явные шаги навстречу Саудовской Аравии – главному конкуренту Ирана в борьбе за влияние в исламском мире, а также другим суннитским соседям. Суннитские политические силы, несмотря на хроническое отсутствие единства, в целом сумели установить тесные связи с государствами Персидского залива и Турцией.

Для политических программ иракских партий характерно отсутствие сколько-нибудь ясной формулировки внешнеполитических приоритетов. Максимум, что можно найти в документах такого рода – это общие фразы, не дающие представления о специфике видения этого направления различными силами. Не удивительно, что деятели, пришедшие к власти, проводят столь же невнятную внешнюю политику на фоне энергичной внешнеполитической деятельности отдельных партий, которая в свою очередь открывает внешним силам широкие возможности для влияния на ситуацию внутри Ирака.

Если в первые годы после свержения правительства Саддама Хусейна шиитские политические силы в целом тяготели к Ирану, а суннитские – к суннитским соседям, то со временем эта поляризация ослабла. Так, Исламская партия Ирака успешно установила отношения с Ираном, которого ранее считала основной угрозой национальной безопасности, а такие шиитские политики, как Муктада ас-Садр и Аммар аль-Хаким, предпринимали попытки сближения с суннитскими странами Персидского залива.

В главе отмечено большое внимание, уделяемое политическими силами Ирака развитию отношений с США. Несмотря на в целом резкую критику вмешательства Вашингтона в иракские внутренние дела, и шииты, и сунниты проявляли большой интерес к установлению тесных отношений с заокеанскими политическими кругами, прибегая даже к услугам лоббистов.

Вторая глава, «Участие центральных институтов государственной власти в определении внешнеполитических приоритетов», рассматривает функции государственных органов, имеющие отношение к выработке внешнеполитического курса и реализации внешней политики – то, что по Алмонду относится к функциям «выхода». В ней рассматривается деятельность официальных органов, формирующих внешнюю политику в Багдаде, и даётся описание взаимодействия различных элитных политических групп, использующих конституционные и законодательные механизмы для обеспечения своих интересов. В контексте главы отмечено

отсутствие единства точек зрения в таких структурах, как Совет министров и МИД, по вопросам внешнеполитического планирования и порожденная этим несогласованность действий государственных чиновников высшего уровня, принадлежащих к различным политическим силам и преследующим частные интересы в ущерб общегосударственным. Констатирована определяющая роль главы правительства в формировании внешнеполитического курса, указаны возможности влияния на него со стороны МИД, президента и парламентских структур. Отмечена положительная тенденция к снижению несогласованности в действиях различных органов государственной власти, начавшаяся после ухода не склонного к компромиссам премьер-министра Нури аль-Малики. Рассмотрены противоречия в статьях Конституции Ирака, касающихся определения внешнеполитических приоритетов государства; проанализированы особенности реализации внешнеполитического курса при различных правительствах и вклад в этот процесс глав внешнеполитических ведомств, президентов и парламента.

В главе отмечено, что иракская внешняя политика является суммой внешнеполитических усилий таких институтов, как МИД и его глава, администрация президента Ирака (здесь следует учитывать, что президент в этой стране – фигура, обладающая представительскими полномочиями, и значительно менее влиятельная, чем премьер-министр), комитет по иностранным отношениям Совета депутатов (парламента) Ирака и председатель парламента. Премьер-министр, согласно Конституции, определяет основные направления внешней политики.

Описан конституционный механизм формирования правительства. Согласно положениям основного закона иракского государства, кандидату в президенты для избрания необходимо получить две трети голосов депутатов парламента (статья 70, пункт 1 Конституции Ирака). Статья 76, пункт 1 гласит, что крупнейшая фракция в парламенте должна назвать своего кандидата для того, чтобы президент поручил ему сформировать правительство, состав которого затем выносится на голосование в парламента. Для утверждения правительства необходимо одобрение абсолютного большинства депутатов (статья 76, пункт 4 Конституции Ирака). Председатель парламента, согласно статье 55 Основного закона, должен быть избран абсолютным большинством голосов на его первом заседании. Таким образом, утверждение кандидатов на все высшие государственные посты является функцией Совета депутатов (парламента), который, в свою очередь, формируется на основании результатов проводимых раз в четыре года общенациональных выборов.

В главе отмечено, что сформировавшаяся после 2003 г. система раздела государственных должностей между различными политическими силами и

этноконфессиональными группами, представляющими собой компоненты весьма неоднородной правящей элиты, придавала иракской внешней политике непоследовательный и бессистемный характер. Согласно неписанному правилу, возникшему в период работы американской оккупационной администрации, высшие посты в государстве закреплены за представителями основных этно-религиозных общин: премьер-министра – за шиитами, президента – за курдами, председателя парламента – за суннитами. Другие посты высшей государственной номенклатуры допускают этноконфессиональное разнообразие. То есть внутри каждой основной этнорелигиозной группы имеются различные видения внешнеполитических приоритетов, отражающие интересы конкретных влиятельных личностей или группировок. Конкуренция между ними нередко подталкивала игроков на образование альянсов с представителями других этноконфессиональных общин. В главе показано, что временный характер подобных компромиссов не может не отражаться на характере внешнеполитического курса иракского государства, придавая ему весьма изменчивый характер.

Третья глава, посвящённая Иракскому Курдистану, констатирует наличие у администрации Курдского автономного региона собственных внешнеполитических приоритетов, противоречащих федеральным, и связанным со стремлением курдов к обретению независимости, в разные периоды истории современного Ирака, то скрываемого, то открыто декларируемого. Отмечена возможность неоднозначного толкования положения Конституции, касающихся разграничения полномочий между федеральным центром и курдской автономией в сфере внешних связей; описаны механизмы их реализации, имеющиеся в распоряжении у Эрбиля, дана характеристика исторической специфики международных контактов двух основных конкурирующих между собой курдских партий – Демократической партии Курдистана и Патриотического союза Курдистана. В контексте проблем формирования внешней политики рассмотрен продолжающийся конфликт курдистанских элит и федерального центра, связанный с борьбой за контроль над углеводородными ресурсами.

В этой части исследования показано, что Конституция Ирака оказалась неспособной провести четкое разграничение между полномочиями федерального центра и КАР в том, что касается внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. Такое положение дало возможность Эрбилю предпринимать шаги в качестве игрока, обладающего определенной долей независимости во внешней политике и внешних торгово-экономических отношениях. Правомерность подобной самостоятельности оспаривается Багдадом. Федеральный центр воспринимает ее как вызов суверенитету иракского государств. При этом сам Эрбиль видит в

сохранении за собой возможности принятия независимых от Багдада решений один из основных приоритетов самостоятельной внешнеполитической деятельности правительства КАР (несмотря на все имеющиеся разногласия между ДПК и другими влиятельными политическими силами курдской автономии). Такое видение Эрбиля находится в явном противоречии с приоритетами федерального центра. В главе отмечено, что после решительных репрессалий, предпринятых Багдадом против Эрбиля в ответ на референдум 2017 г., усилия КАР в этом направлении фактически прекратились. Практическая необходимость заставила правительство КАР сконцентрировать свои дипломатические усилия на восстановлении доверия в отношениях с федеральным центром и такими соседями, как Турция и Иран, которых серьезно беспокоил плебисцит относительно будущего Иракского Курдистана.

В главе констатируется, что наличие собственных международных интересов, отличных от обозначаемых федеральным центром внешнеполитических приоритетов, обусловило существование собственной внешней политики правительства КАР. Конечно, де-юре говорить об этом сложно (хотя политические деятели Иракского Курдистана, используя возможности неоднозначного толкования положений Конституции Ирака, обосновывали юридическую правомочность внешнеполитической деятельности автономии, пусть и в ограниченном масштабе), де-факто необходимо констатировать наличие у Иракского Курдистана собственной внешнеполитической деятельности. Главной ее составляющей стремление к независимости, наиболее резонансным проявлением которого стал референдум 2017 г. Эрбиль решился на этот шаг, несмотря на предостережения США и стран Евросоюза, не говоря уже о Турции и Иране, бросив, тем самым, прямой вызов Багдаду. Решительная реакция федерального правительства Ирака заставила администрацию КАР пересмотреть этот приоритет и тактически перейти к действиям по восстановлению конструктивных отношений с Багдадом с параллельной реализацией собственных интересов в рамках государственных структур исполнительной и законодательной власти.

После 2003 г. в распоряжении Иракского Курдистана имелись два механизма внешней политико-дипломатической работы: через официальные административные структуры автономии (аппараты президента и премьер-министра, министерства и Управление внешних связей со структурой зарубежных представительств правительства КАР) и через партийные структуры ДПК и ПСК. Оба этих механизма дополняют друг друга, а их синхронизация достигается тем, что, во-первых, ДПК контролирует большинство управлений правительства автономии, а во-вторых,

существованием определенного консенсуса между ДПК и ПСК относительно приоритетных направлений международной работы (таких как противостояние террористической угрозе и развитие внешнеэкономического сотрудничества). Отмечено, что периодически возникающие между двумя партиями разногласия, особенно в сформированном референдумом 2017 г. политическом контексте, вносят определенный диссонанс во внешнеполитическую работу. Нельзя исключать, что в будущем, в случае формирования соответствующей обстановки в регионе, правительство КАР вернется к активной реализации стратегии на обретение независимости.

В главе отмечается, что историческая специфика международных контактов ДПК (ориентированной на Турцию) и ПСК (ориентированной на Иран) сформировала определенную специализацию этих партий в том, что касается внешнеполитических контактов. Так, правительство КАР, которое, как было отмечено выше, в значительной степени находится под контролем ДПК, в случае обострения спорных вопросов с Ираном обращается к ПСК, имеющей более развитые контакты с Исламской Республикой. Турция же относится к «внешнеполитической специализации» ДПК. Аналогичным образом Тегеран и Анкара в случае необходимости проведения своих интересов в Иракском Курдистане опираются в первую очередь на своих агентов влияния соответственно в ПСК и ДПК. Помимо этого, ДПК и ПСК осуществляют собственные контакты с курдскими партиями соседних Турции, Ирана и Сирии, содержание которых редко выносятся на публику, однако которые представляются чрезвычайно важными в контексте военно-политической обстановки в регионе.

В заключении подведены итоги и сделаны основные выводы.

По результатам настоящего исследования можно констатировать следующее:

1) В связи с тем, что основным структурирующим признаком политической системы Ирака XXI в. является этноконфессиональная принадлежность, партии страны лишены сколь-нибудь ясно выраженной идеологии (левой, правой, социалистической, националистической, либеральной, консервативной и пр.). Они группируются вокруг конкретных личностей, представляющих сегменты политической элиты, и идентифицируются, прежде всего, как шиитские, суннитские или курдские. Исключения составляют лишь стремительно теряющие влияние Иракское национальное согласие Айяда Аллауи и компартия.

2) После свержения правительства Саддама Хусейна шиитская политическая составляющая в государстве, первоначальный проект которого создавался в условиях иностранной оккупации при прямом внешнем управлении, выдвинулась на первый план. Суннитская составляющая,

напротив, после продолжительного доминирования, основы которого были заложены еще в эпоху Османской империи, закрепились в Королевстве Ирак англичанами в 1920-х гг. и развиты в постмонархическом Ираке, оказалась на политической периферии. Маргинализации суннитских политических элит способствовало их ассоциирование с баасистским правительством Саддама Хусейна, а также опрометчивые заявления некоторых суннитских политиков, увидевших в ИГИЛ¹¹² «революционную силу», способную эту маргинализацию остановить. В результате негласной договоренности, достигнутой еще во времена американской оккупации, за шиитами оказался закреплен пост премьер-министра, играющий основную роль в определении внутренней и внешней политики. Политическое доминирование шиитской общины не позволяло ее представителям игнорировать точку зрения двух других крупнейших составляющих иракского политико-демографического поля – суннитов, за которыми был закреплен пост председателя парламента, и курдов, которым была отдана должность президента. Более того, преследование каждым из трех указанных этноконфессиональных элементов собственных интересов нередко препятствовало проведению единого внешнеполитического курса.

3) Запрет партии Баас американцами в 2003 г. укрепил шиитское доминирование в постбаасистском Ираке. Шиитские силы, бывшие в оппозиции, еще в середине XX в. начали организовываться политически, сформировав пользующуюся по сей день значительным влиянием партию «Даава». Стимулировала формирование организованных шиитских сил и Ирано-иракская война, во время которой хомейнистский Иран был заинтересован в открытии внутреннего фронта в Ираке. Так появились Высший исламский совет в Ираке, Организация Бадр и другие силы, представители которых играют центральную роль в современной иракской политике. Основной суннитской политической силой в первые годы постбаасистского периода стала Исламская партия Ирака, связанная с интернациональной структурой «Братьев-мусульман», а, следовательно, с такими активными региональными игроками, как Турция и Катар. Отстранение от власти и запрет движения «Братьев-мусульман» в Египте после 2013 г. нанесло серьезный удар по возможностям Исламской партии Ирака действовать открыто на иракской политической арене. Параллельно с этим ушла в тень и Ассоциация исламских улемов, в первые годы после свержения правительства Саддама Хусейна пытавшаяся играть роль суннитского религиозно-политического центра управления. Выдвинувшиеся на первый план лидеры суннитской общины, такие как Мухаммад аль-

¹¹² Запрещена в РФ.

Хальбуси, Хамис аль-Ханджар, братья ан-Нуджейфи и аль-Карбули, оперативно создавали свои собственные структуры, не базирующиеся на каких-либо старых и устоявшихся политических силах, и делали ставку на временные тактические альянсы, в том числе с проиранскими шиитскими организациями. Надконфессиональный блок Айяда Аллауи, бывшего баасиста и шиита по рождению, в первые годы претендовавший на консолидацию вокруг себя суннитского избирателя вместе с представителями секулярно настроенного электората, к началу второго десятилетия XXI отошел на политическую периферию.

4) Главным вектором внешнеполитической деятельности для Ирака после образования формально суверенного переходного правительства в июне 2004 г., сменившего оккупационную администрацию Пола Бремера, стало восстановление прежней системы внешних связей и ее развитие сообразно изменяющейся международной обстановке, возвращение страны в мировое сообщество в качестве полноправного члена. Решение острейших проблем в сфере внутренней безопасности, связанное с созданием эффективных силовых структур, также имело ярко выраженную внешнеполитическую составляющую – этот процесс происходил под непосредственным руководством США, привлечших к нему своих основных союзников. Восстановление прежних и налаживание новых внешних связей было важно и для решения экономических проблем, причем особое значение приобретало международное сотрудничество в сфере энергетики, финансов и инвестиций.

5) После 2003 г. Ирак стал ареной геополитической борьбы между США и Ираном, диалектика которой подразумевала не только противостояние, но и контакты с целью налаживания взаимодействия в условиях непрекращающегося кризиса. Роль Вашингтона как во внешней, так и во внутренней политике Ирака в этот период трудно переоценить – фактически американские специалисты стояли у истоков создания современного иракского государства. Одновременно свержение правительства Саддама Хусейна открыло для активных и амбициозных соседей Ирака широкие возможности вмешательства в дела этой страны. Наиболее эффективно проявил себя в этом Иран, на протяжении всего периода войны с Ираком (1980-1988) создававший у себя фронт шиитской оппозиции режиму Саддама Хусейна. Сформированный иранскими спецслужбами для борьбы с баасистскими властями Ирака Высший совет исламской революции в Ираке (позже преобразованный в Высший исламский совет Ирака), вместе с другими родственными организациями, созданными при активном участии Тегерана, стал играть ключевую роль в политической жизни Ирака после 2003 г., представляя собой серьезный вызов интересам

стоявших у истоков создания нового иракского государства Соединенных Штатов.

6) Активное вмешательство внешних акторов и не сформировавшиеся до конца государственные институты Ирака препятствовали эффективному планированию как внешней, так и внутренней политики. В первые годы после свержения суверенного иракского правительства, формированием политического курса нового образования, которое можно было считать государством лишь условно, занимались внешние субъекты, прежде всего США, а также страны, прилегающие к этой территории. В течение первого десятилетия после 2003 г., параллельно с формированием государственных структур в Багдаде, образовалось достаточно эффективное и самостоятельное правительство Иракского Курдистана, имеющего статус автономного региона. Столица страны – Багдад, охваченная насилием, не могла тогда претендовать на роль эффективного федерального центра, способного вырабатывать самостоятельную политику. Правительство Ирака, составленное из различных жестко конкурирующих между собой групп, было не в состоянии выразить единую позицию почти ни по каким вопросам. Тяготеющие к Ирану шииты, балансирующие между Турцией и Ираном курды и обращенные к арабским странам и той же Турции сунниты через свои политические организации сформировали собственные системы международных связей с приоритетами, которые зачастую было невозможно совместить с внешнеполитическими ориентирами представителей иных этноконфессиональных сообществ страны. Такая ситуация порождала противоречия в иракской внешней политике, особенно остро проявившиеся в период между 2008 и 2014 гг..

7) Сформировавшийся после этого тандем двух влиятельных шиитов – премьер-министра аль-Аббади и министра иностранных дел аль-Джаафари - положительным образом отразился на сбалансированности иракской внешней политики, что было особенно актуально, когда значительные ресурсы государства были направлены на восстановление суверенитета над территориями, захваченными «Исламским государством». В дальнейшем тенденция к унификации внешнеполитической деятельности иракских государственных институтов продолжилась, чему способствовал подбор кандидатов на должность главы МИДа. Так, возглавлявший МИД при премьер-министре Абдульмахди шиит Мухаммад Али аль-Хаким не был связан с какими-либо влиятельными политическими силами и соответственно не мог привносить влияние их частных интересов во внешнюю политику. Ставший министром иностранных дел при аль-Казыми курд-шиит (фейли) Фуад Хусейн, не чуждый как курдской, так и шиитской общине, но одновременно и не ангажированный никакой конкретной политической группой,

представляющей интересы одной из этноконфессиональных общин, также не стремился к продвижению собственных целей, отличных от государственных.

8) Смена режима в 2003 г. спровоцировала качественное изменение отношений со странами региона. Иран, Турция, Саудовская Аравия, Катар, Сирия и Иордания стали в той или иной форме активно вмешиваться в ситуацию в Ираке. Инструментом Ирана стали различные шиитские политические партии и вооруженные формирования, оказавшиеся доминантой иракской политической жизни. Выход на политическую арену Иракского Курдистана обеспечивали исторические отношения Тегерана с контролирующим приграничные с Ираном районы Патриотическим союзом Курдистана. Механизмом вмешательства Турции выступили суннитские политические партии, прежде всего – Исламская партия Ирака (ИПИ), часть «интернационала» «Братьев-мусульман». ИПИ стала одновременно и «воротами» для влияния Катара – традиционного спонсора «Братьев-мусульман». Турция оказывала влияние и на ситуацию в Иракском Курдистане – через Демократическую партию Курдистана, контролирующую приграничные с ней районы и доминирующую во властных структурах автономии в Эрбиле. Кроме того, Турция совершала регулярные авианалеты и артобстрелы, проводила сухопутные операции, преследуя оджалановскую Курдскую рабочую партию, что вызывало неоднократную резкую критику со стороны шиитской правящей элиты в Багдаде, справедливо воспринимавшей это как нарушение суверенитета Ирака. Саудовская Аравия, Иордания и Сирия были основными источниками проникновения на иракскую территорию боевиков, вливавшихся в структуры «Аль-Каиды» и «Исламского государства». Именно из Иордании пришел в Ирак основатель иракской ветви «Аль-Каиды» Абу Мусаб аз-Заркауи. Такое положение негативно сказывалось на состоянии двусторонних отношений и порождало обострения, особенно в отношениях Багдада с Эр-Риядом. Подобная роль суннитских соседей привела к ухудшению взаимоотношений между ними и Ираком, политическое пространство которого оказалась под контролем шиитских сил, в особенности в период премьерства отличавшегося особой жесткостью Нури аль-Малики. Существенно обострил отношения между Багдадом и Эр-Риядом также йеменский кризис. Ирак (вместе с Сирией) выступил решительно против возглавляемой саудитами интервенции. Позиция иракского правительства по Йемену негативно отразилась и на отношениях Багдада с арабскими государствами, присоединившимися к антихуситской коалиции, – ОАЭ, Египтом, Марокко, Иорданией, Суданом, Кувейтом, Катаром и Бахрейном. Особую позицию в рамках ЛАГ Ирак занял

и по проблеме «Хезболлы», отказавшись, в отличие от большинства членов этой организации, признавать данную группировку террористической.

9) Обладающий значительной степенью самостоятельности Курдский автономный регион фактически выступает в качестве независимого субъекта внешней политики, согласовывая свой курс с Багдадом, но одновременно преследуя и собственные интересы, что провоцирует конфликты с федеральным центром. Претензии Иракского Курдистана на международную субъектность восходят к 1992 г. Тогда по итогам выборов в региональный парламент было сформировано правительство, управлявшее этой частью страны фактически самостоятельно, находясь под защитой введенной США и Великобританией бесполетной зоны севернее 36-й параллели, вне досягаемости Багдада (иракские войска покинули этот регион к концу 1991 г.). К 2003 г. в Иракском Курдистане имелась развитая система бюрократических учреждений, выгодно отличавшаяся с точки зрения эффективности от багдадских органов власти, находящихся в процессе становления, а в 2006 г. там сформировалась единая администрация, представители которой не скрывали стратегического курса на достижение независимости. На фоне ослабления федеральной власти, вызванного войной против ИГИЛ, создавалось впечатление, что цель курдов вполне достижима и даже близка, однако к моменту сентябрьского референдума о независимости в 2017 г. центр власти в Багдаде настолько окреп (в частности, к тому времени Мосул был уже освобожден от игиловцев), что не только отказался признавать законность голосования, но и продемонстрировал готовность применить силу для сохранения контроля над Курдистаном. Этот момент ознаменовал значительное снижение степени самостоятельности внешней политики курдской автономии Ирака.

Статьи в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ:

1) Крылов Г.Л. Основные особенности «садристского течения» («ат-тайяр ас-садрий») как участника политического процесса в современном Ираке // Новая и новейшая история. 2022. №1. С. 179-193.

2) Крылов Г.Л. «Силы народной мобилизации» («кувват аль-хашд аш-шааби») как фактор изменения военно-политической обстановки в Ираке после 2014 года // Общественные науки и современность. 2021. №2. С. 126-143.

3) Крылов Г.Л. Суннитские силы Ирака в контексте политики федеральной власти в 2014–2018 гг. // Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 85-96.

4) Крылов Г.Л. Суннитский политикум Ирака (при премьер-министрах Хайдаре аль-Аббади и Адиле Абдульмахди, 2014-2019) // Азия и Африка сегодня. 2021. №12. С. 38-46.

Статьи в прочих изданиях:

1) Крылов Г. Л. Доктрина "вилаят аль-факих": трактовки, теоретические основания и история становления. Восточный курьер // Oriental Courier. 2022. № 2. С. 11–24.

2) Крылов Г.Л. Вопрос о признании Израиля в общественно-политическом дискурсе современного Ирака // Израиль в борьбе: грани противоречий в политике, экономике, обществе. Сборник статей по материалам II Международной израилеведческой научной конференции. М.: Институт востоковедения РАН, 2023. С. 184-196.

3) Крылов Г.Л. Выборы в Ираке – кровопролитная операция // Эхо планеты. 2005. №6. С. 18-19.

4) Крылов Г.Л. Иракский суд ополчился на Челаби // Эхо планеты. 2004. №33. С. 12.

5) Крылов Г.Л. Проблема конституционного разграничения полномочий между федеральным центром и курдской автономией и её влияние на внешнеполитические и внешнеэкономические связи Ирака // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. М.: Институт востоковедения РАН, 2022. С. 191-203.

6) Крылов Г.Л. Суд начался. "Саддам Хусейн, президент Ирака" // Эхо планеты. 2004. №28. С. 17.

7) Крылов Г.Л. США в Ираке: вместо Саддама ас-Садр и снова война // Эхо планеты. 2004. №16. С. 5-9.